

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 172.4

DOI

ОСОБЕННОСТИ МОРАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЙ Л.Н. ТОЛСТОГО В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

PECULIARITIES OF MORAL-LEGAL VIEWS OF L.N. TOLSTOY IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL TRADITION

М.Н. Киреев**M.N. Kireev**

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, 7

State Institute of arts and culture,
7 Koroleva St, Belgorod, 308033, Russia

E-mail: korenevaen@yandex.ru

Аннотация

Анализируется правовой идеал Л.Н. Толстого в контексте его нравственной философии. В качестве основного текста для анализа взглядов писателя берется его произведение «Путь жизни». Показана жесткая оппозиция добра как внутреннего закона любви и права. Обосновывается неправомерность отвлеченной богословской критики взглядов Толстого, которые имеют место в русской религиозной философии. Делается вывод о том, что для оценки взглядов писателя необходимо принимать во внимание его центральную установку о первичности нравственного закона и необходимости следования этому закону в жизни.

Abstract

Analyzes the legal ideal of Leo Tolstoy in the context of his moral philosophy. As the main text for analyzing the writer's views, the «Way of Life» is taken. Strong opposition of good as an internal law of love and right as an external method of regulation based on violence is shown. The illegitimacy of the abstract theological criticism of Tolstoy's views, which take place in Russian religious philosophy, is grounded. It is concluded that to assess the views of the writer it is necessary to take into account his central view on the primacy of the moral law and the necessity of following it in life.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, этика, мораль, право, русская философия, нигилизм, насилие, любовь, добро.

Keywords: L.N. Tolstoy, ethics, morals, law, Russian Philosophy, nihilism, violence, love, good.

Значимость литературно-философского наследия Л.Н. Толстого огромна и с годами лишь возрастает, а многие идеи великого писателя и мыслителя становятся очевиднее и приобретают особую актуальность. Видные представители отечественной и зарубежной философской культуры всегда давали и дают высокую оценку Л.Н. Толстому, что является свидетельством неугасаемого интереса к различным пластам его творческого наследия.

Очень показательны в этом контексте слова В.Н. Ильина, который в своем труде «Мирозерцание графа Льва Николаевича Толстого и его место в истории философии XIX века. В связи с судьбами пессимизма» дал очень точную и емкую характеристику русской словесной культуре и месту в ней Толстова: «Лев Николаевич Толстой явление такого исключительно крупного калибра, что его одного достаточно, чтобы прославить породивший его народ и дать имя целой эпохе» [Ильин, 2000, с. 63]. На всемирное значение русской литературы, которая во многом и является русской философией и в которой Толстому наряду с Достоевским принадлежит исключительное место, указывает Б.П. Вышеславцев. В своей работе «Вечное в русской философии» он пишет следующее: «Русская литература философична, в русском романе, в русской поэзии поставлены все основные проблемы русской души. И если бы эти проблемы не были общечеловеческими и всемирными, то было бы непонятно всемирное понимание и всемирный интерес к Толстому и к Достоевскому» [Вышеславцев, 194, с. 155]. Также о всемирном значении русских писателей говорит и Б.П. Яковенко. «...Не впадая в ошибку, – пишет он в «Истории русской философии, – можно утверждать, что по силе духовного воздействия на свой народ и все человечество Л. Толстой и Ф. Достоевский не знают себе равных» [Яковенко, 2003, с. 21].

Таким образом, в русской классической философии Толстому принадлежит видное место. Как отмечает Регула М. Цвален: «Идеи Л.Н. Толстого являются одним из решающих катализаторов возникновения „нового религиозного сознания“ и религиозной философии в начале XX в. в России» [Цвален, 2017, с. 55]. Очевидно, что не только эстетический пласт значим в наследии Толстого, но и его религиозно-философские идеи, среди которых практические вопросы *морально-правового* и *политического* характера также представляют значительный интерес.

Современные авторы отмечают такой факт: «Человеколюбие рассматривается как высшая общественная категория, уничтожение которой приводит к драматическим социальным катаклизмам. Даже объяснение причин существующего неравенства между людьми усматривал Толстой в том, что „нет любви между людьми“. Гармония общественных отношений оказывается трудноосуществимой» [Шестопалова, 1999, с. 67]. В строгом смысле воззрения Толстого на государство, общество, хозяйство и право не вписываются в традиционную парадигму правовых категорий, но именно особое отношение Толстого к этим феноменам позволяет более глубоко понять особенности отечественной правовой ментальности, для которой значимо тождество не *права и закона*, а *права и правды*. Здесь проявляется духовный архетип русского национального характера в наибольшей полноте и силе. Философский анализ данного явления способствует, с одной стороны, его постижению, с другой – творчески развивает сам философский процесс.

Все авторитетные историки русской философии уделили Толстому значительное место в своих трудах. Некоторые оценки стоит напомнить, так как они указывают на своеобразие *религиозно-философского мировоззрения* Толстого, в контексте которого становятся более понятными особенности его *морально-правовых воззрений*. Много говорит о Толстом в связи с наиболее значительными проявлениями самобытности русской духовной культуры Н.А. Бердяев в «Русской идее». Например, он пишет следующее: «Русская литература и мысль носила в значительной степени обличительный характер. Ненависть к условной жизни цивилизации привела к исканию правды в народной жизни. Отсюда опрощение, снятие с себя условных культурных оболочек, желание добраться до подлинного, правдивого ядра жизни. Это наиболее обнаруживается у Л. Толстого» [Бердяев 1990, с. 158].

Сходным образом дает оценки Толстому и весьма критически настроенный по отношению к нему Г. Флоровский: «Сила Толстого – в его обличительной откровенности, в его моральной тревоге. У него слышали призыв к покаянию, точно некий набат совести» [Флоровский, 1996, с. 408]. Безусловно, трудно отрицать моральное мужество обличать существующие зло и неправду, которым обладал Толстой. Современный исследователь О.С. Соина трактует моралистические интенции Толстого в терминах метафизического бунта:

«Толстой фактически поднимает бунт против глобальных экзистенциальных оснований религиозной жизни человечества – Бога, Смерти и Женщины» [с. 142].

Большое значение имеют оценки, данные Толстому В.В. Зеньковским. В «Истории русской философии» он назвал Толстого «страстным искателем правды и смысла жизни». Это одна из корневых особенностей русской философии, нашедшая в нем наибольшее воплощение. Здесь Зеньковский совпадает с Бердяевым в своих оценках Толстого как «искателя правды» и одного из наиболее мощных ее выразителей. Зеньковский отмечает, что это связано с особым отношением писателя к смерти [Зеньковский, 2001]. В такой же тональности говорит о значимости темы смерти для Толстого современный этик А.А. Гусейнов: «Честный человек и мужественный мыслитель, он ясно понял, что только такая жизнь может считаться осмысленной, которая способна утверждать себя перед лицом неизбежной смерти, выдержать проверку вопросом: „Из чего же хлопотать, ради чего вообще жить, если все будет поглощено смертью?“. Толстой решился замкнуть на себя провода невероятного напряжения – жизнь и смерть. И нужно было быть Львом Николаевичем Толстым, чтобы выдержать нечеловеческую мощь этого разряда. Толстой вступил в схватку со смертью и поставил перед собой самую дерзновенную, по сути, сверхчеловеческую цель – найти то, что не подвластно смерти» [Гусейнов, 2009, с. 276].

Правовые воззрения Толстого следует рассматривать не изолированно, а в глубокой связанности с экзистенциальной проблематикой. При этом именно В.В. Зеньковский, давший высшую положительную оценку философским воззрениям Толстого, характеризует его взгляды («панморализм») в терминах «мистического и педагогического анархизма». И термин «анархизм», имеющий явно отрицательную коннотацию, становится так или иначе спутником идей Толстого. Здесь необходимо сделать одно принципиально важное уточнение: все уничижительные характеристики Толстого в терминах «нигилизма», «морализма», «позитивизма» и т.д. не согласуются с его статусом всемирно признанного гения и великого писателя мирового уровня. Это говорит о том, что к личностям такого масштаба как Толстой не применимы оценки из обыденного, тем более политического словаря. И для понимания его идей необходимо по возможности реконструировать целостную систему его воззрений, чтобы понять их «нигилистический» исток и сущность.

Остановимся на некоторых, с нашей точки зрения, важных нравственно-метафизических идеях писателя, помогающих раскрыть его особое отношение к вопросам права. При всем многообразии воззрений Толстого в его творчестве есть одно безусловное ядро – это этические воззрения, которые нельзя понимать в рамках аристотелевской парадигмы этики. Здесь речь идет о чем-то большем. Это *фундаментальное нравственное учение*, которое определило не только эстетическую позицию писателя, но и жизненную. Исследователь этических взглядов писателя Е.Д. Мелешко в монографии «Христианская этика Л.Н. Толстого» отмечает: «Всем своим религиозно-философским творчеством Толстой пытался воссоздать *целостный этико-метафизический дух* принципов христианской этики, показать, что в основе евангельской заповеди непротивления лежит *единая непротиворечивая метафизика зла*» [Мелешко, 2006, с. 298]. Такой взгляд позволяет более масштабно постичь глубину этических воззрений Толстого не как узкого «морализма», но как концептуальную философию морали, в основе которой лежит не дидактика, а метафизика самого зла. Именно метафизический характер зла, открывшийся Толстому в результате его творческой работы, порождает наиболее адекватную метафизике зла *этику непротивления*. Именно здесь корень специфики этого учения, распространяющегося на все, в том числе и на правовую сферы жизни.

Но и здесь, можно сказать, не финал и не предел стремлений Толстого, который всю жизнь искал приемлемой формы для выражения своих идей и не находил их ни в художественной, ни в «аналитической» литературе. Этим и объясняется переход от литературы к философии и обратно, характерный для Толстого. Как справедливо отмечает О.В. Журина: «Напряженный поиск „слов, формы“, обращение то к одному, то к другому способу высказывания, разочарование в них – все это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что поздний

Толстой ощущал себя призванным передать людям некое открывшееся ему ценнейшее знание и постоянно искал адекватную форму для его воплощения» [Журина, 1999, с. 90]. Мы полагаем, что не только поздний период жизни и творчества Толстого окрашен интонацией поиска языка для открывшегося знания, но и вся его жизнь была *непрерывным открытием моральных истин бытия*, что находило отражение в его религиозно-философских и художественных исканиях.

Именно как «откровение» трактует идею непротивления Толстого В.Н. Назаров, когда пишет следующее: «„Этическое обращение“ Толстого совершилось в начале 1870-х гг., когда он пережил откровение *нравственной истины непротивления злу*, ставшей для него источником подлинной веры и лейтмотивом всего творчества и жизни. С этого времени Толстой последовательно и настойчиво пытался донести до других смысл явленного ему откровения» [Назаров, 2006, с. 91]. Эти откровения были, как правило, не понятны и поэтому не поняты современниками. Даже философы типа Б.В. Яковенко были склонны к тому, чтобы духовную мощь идеи непротивления трактовать исключительно в социальном измерении. Он пишет про Толстого: «Требуя непротивления злу, т. е. отвергая всякую борьбу, всякое действие, способное противоречить, человеку предписывается *полная общественно-государственная пассивность*, что отвергает в самом его существе государственности с ее главными атрибутами» [Яковенко, 2003, с. 317]. Конечно, проповеди «полной пассивности» у Толстого не было. Да и сама его активная деятельность, хотя бы в педагогическом аспекте, говорит о том, что он был далек от какой бы то ни было пассивности.

Во многом непонимание и неприятие взглядов Толстого происходило потому, что они были направлены против существующего общепринятого образа жизни и господствующих мыслей. Его бесчисленные мысли, скорее озарения, зафиксированные в дневниках, записных книжках, письмах в течении всей жизни – яркое свидетельство этому. Например, в 1851 году он пишет: «Ум теряется в этих безднах премудрости, а чувство боится оскорбить Его. Благодарю Его за минуту блаженства, которая показала мне ничтожность и величие мое. Хочу молиться; но не умею; хочу постигнуть; но не смею – предаюсь в волю Твою!» [Помоги..., 2016, с. 45]. Кроме этого, Толстой всегда остро чувствует свое собственное нравственное несовершенство. «Мне целый день грустно, тяжело от дурной, праздной жизни своей и всех окружающих», [Помоги..., 2016, с. 107] – пишет Толстой уже в 1890 году. «Праздная жизнь» есть символ и синоним бессмысленной жизни, проходящей без свершения чего-то главного. Люди набивают свою жизнь всякими, как им кажется, «важными» делами, но и они тоже «праздны», поскольку не испытывался перед судом вечности. Вот это острое чувство вечности, на фоне которого человеческая жизнь со всеми ее делами и свершениями кажется маленькой и ничтожной, и есть наиболее органичное нравственное и метафизическое зрение Толстого.

Отсюда негативное неприятие тех форм жизни и культуры, государственно-правовой организации, которые увековечивают это маленькое, относительное, преходящее и не стремятся к абсолютному. Прежде всего, Толстой беспощаден по отношению к художественной сфере, которую он подвергает жесточайшей критике. С особой силой это выразилось в его трактате «Что такое искусство?», в котором под острие его критики попадают такие творцы европейского искусства как Бетховен, Софокл, Эврипид, Данте, Шекспир, Гете, Вагнер, Метерлинк и т.д. Основанием для подобных воззрений является идейное *превосходство этики над эстетикой*: «Добро, красота и истина ставятся на одну высоту, и все эти понятия признаются основными и метафизическими. Между тем в действительности нет ничего подобного. Добро есть вечная, высшая цель нашей жизни. Как бы ни понимали добро, жизнь наша есть не что иное, как стремление к добру, то есть к богу» [Толстой, 1985, с. 179].

В традиционных эстетических концепциях на первой место, считает Толстой, выдвигается гедонистический аспект, то есть чувственное наслаждение искусством, в котором нет места духовному. Он пишет: «Понятие красоты не только не совпадает с добром, но скорее противоположно ему, так как добро большею частью совпадает с победой над страстями, красота же есть основание всех наших пристрастий» [Толстой 1985, с. 180]. Соответственно смысл и назначение искусства определяются исключительно из моральных

постулатов: «Искусство должно сделать то, чтобы чувства братства и любви к ближним, доступные теперь только лучшим людям общества, стали привычными чувствами, инстинктом всех людей...»

Назначение искусства в наше время – в том, чтобы перевести из области рассудка в область чувства истину о том, что благо людей в их единении между собою, и установить на место царствующего теперь насилия то царство Божие, то есть любви, которое представляется всем нам высшею целью жизни человечества» [Толстой, 1985, с. 279]. Эти воззрения Толстого на искусство помогают более глубоко понять его неприятие внешних форм социальной жизни, легитимирующих зло. Будучи гениальным художником, Толстой имеет мужество отрицать эту сферу во имя более высоких нравственных идей. Это значит, что *сила морального прозрения в неправду мира у Толстого не меньше его эстетического дара восхищаться красотой этого мира*. Обличение искусства со стороны гениального творца не простой жест, который был совершенно не в духе Толстого, а глубоко выстраданная и принципиальная позиция писателя и мыслителя, художника и моралиста.

Отрицание европейской культуры тоже является результатом нравственного откровения, о котором мы говорили выше. Это «духовное рождение человека», которое современный исследователь И.И. Евлампиев характеризует, объясняя механизмы толстовского отрицания: «После этого рождения» человек открывает в себе Бога и поэтому уже не может жить по-старому, он призван отвергнуть все прежнее устройство своей жизни и выстроить ее по-новому. В этом пункте своего учения Толстой развертывает радикальную критику всей европейской культуры, построенной, по его мнению, на абсолютно ложных ценностях и ведущей человека к ложным целям. В противовес этой культуре он выдвигает идеал „опрощения“, предельной минимизации земных, телесных потребностей человека и одновременно требует устранения всех духовных ценностей, не подчиненных прямо и непосредственно принципу любви ко всему существующему» [Евлампиев, 2014, с. 161]. Итак, любовь вместо права; именно здесь исток толстовского «нигилизма», который в этом контексте оказывается совсем не отрицанием, а утверждением. Об этом хорошо сказал Б.В. Яковенко: «...на место права должен стать высший и единый закон любви; разделение материальных благ между людьми должно происходить не на основе нынешнего института частной собственности, а согласно закону любви» [Яковенко, 2003, с. 317]. Можно конечно считать, что проповедь любви есть неоправданный утопизм, однако, как моральный принцип любовь является действенным началом жизни, а не романтическим идеалом, способным оказывать преобразующее влияние на социальную реальность.

Обоснованию, раскрытию истинного смысла любви Толстой отдал много сил. Мысль о любви как спасительном принципе жизни пронизывает практически все его творчество, находя определенную теоретическую кульминацию в итоговом произведении «Путь жизни». Здесь представлена целостная аналитика данного феномена, в которой находит свое выражение мирозерцание Толстого. Предваряя главу о любви, он пишет: «Душа человеческая, будучи отделена телом от Бога и душ других существ, стремится к соединению с тем, от чего она отделена. Соединяется душа с Богом все большим и большим сознанием в себе Бога, с душами же других существ все большим и большим проявлением любви» [Толстой, 1993, с. 55]. Эта концепция любви раскрывается в шести пунктах, которые в совокупности представляют собой своеобразную философию любви. Дадим краткую характеристику этим положениям:

1) *Любовь соединяет людей и с Богом, и с другими людьми*. Это теологический и социальный аспект общения, которое посредством любви выходит на онтологический уровень «соединения». Здесь Толстой ссылается на буддийские сутты, Евангелие, персидскую мудрость и на Паскаля.

2) *Как тело человека требует пищи и страдает без нее, так и душа человека требует любви и без нее страдает*. Аналогия тела и души выводит на идею о любви как главной духовной пищи человека. Ссылка на «Учение 12 апостолов».

3) *Любовь только тогда истина, когда она любовь ко всем.* Универсальность любви как критерий ее истинности. Здесь важен аспект избранных; любви достойны все, в том числе и враги. Ссылка на Шопенгауэра, Магомета, Канта и Лессинга.

4) *Любить истинно можно только душу.* Духовность любви как критерий ее истинности. Телесная любовь замыкает человека в границах своей эгоистической самости, а духовная размыкает.

5) *Любовь свойственна людям.* Естественность любви как критерий ее истинности. Любовь дарована человеку как самое естественное свойство души. Задача в том, чтобы увидеть в себе этот дар. Ссылка на восточную мудрость и Эпиктета.

6) *Только любовь дает истинное благо.* В иерархии благ любовь занимает высшее место. Это смысл и цель человеческого бытия. Истинная жизнь заключается в том, чтобы жить по любви. Это абсолютно бескорыстный дар. Ссылки на Евангелие, Сковороду, Кришну, Клеобула.

Таков духовный фундамент человеческого бытия, на основе которого решаются вопросы, связанные с социально-правовой организацией жизни. Этим вопросам Толстой уделяет значительное место в данной книге. Более всего это отражено в главах «Неравенство», «Насилие», «Наказание», «Суеверие государства». Так, в главе «Неравенство» дано такое онтологическое обоснование равенству: «Основа жизни человека есть живущий в нем дух Божий. Дух Божий один и тот же во всех людях. И потому люди не могут не быть все равны между собою» [Толстой, 1993, с. 143]. Неравенство, таким образом, не естественно, оно есть искажение изначального божественного принципа. Равенство есть данность, а не заданность – такова философия равенства Толстого, в то время как различные социальные учения считают наоборот, что равенство не данность, а заданность, то, к чему нужно прийти в ходе внешней революционной борьбы. Толстой же предполагает лишь внутреннюю духовную борьбу.

Размышляя о причинах фактического неравенства в обществе, Толстой делает интересные наблюдения над природой человека. Так, он пишет следующее: «Какой бы ни был в наше время человек, будь он самый образованный, будь он простой рабочий, будь он философ, ученый, будь он невежда, будь он богач, будь он нищий, будь он духовное лицо какого бы то ни было исповедания, будь он военный, – всякий человек нашего времени знает, что люди все имеют одинаковые права на жизнь и блага мира, что одни люди не лучше и не хуже других, что все люди равные. А между тем всякий живет так, как будто не знает этого. Так сильно еще между людьми заблуждение о неравенстве людей» [Толстой, 1993, с. 161]. Моральное зло заключается в том, что люди, прибегая к теоретическим ухищрениям, *оправдывают неравенство*. Здесь Толстой выходит на важные антропологические дефекты человека, которые, прежде всего, проявляются в моральной сфере.

Нравственная чистота дает возможность увидеть антропологическое единство человека, которое выше всех его национально-культурных, государственных и гражданско-правовых ограничений. Толстой выходит на метафизический уровень вопроса о предназначении человека, говоря о фундаментальном духовном равенстве людей, ~~и говорит следующее~~: «Всякий человек, прежде чем быть австрийцем, сербом, турком, китайцем, – *человек*, то есть разумное, любящее существо, призвание которого никак не в том, чтобы соблюдать или разрушать сербское, турецкое, китайское, русское государство, а только в одном: в исполнении своего человеческого назначения в тот короткий срок, который предназначено ему прожить в этом мире. А назначение это одно и очень определенное: любить *всех* людей» [Толстой, 1993, с. 158–159]. Кроме прочего, данный вопрос о *чистой сущности человека*, о том, что делает человека человеком, о человеческом в человеке – один из фундаментальнейших вопросов всей философской этики. Поиск *человеческого в человеке* никогда не прекращался и не прекратится, во многом сам этот поиск является свидетельством высшего проявления человеческих качеств. И Толстой здесь занимает одно из главных мест в пантеоне великих моралистов человечества, поскольку сила, острота, и, одновременно, простота в постановке этого вопроса о человеке у Толстого достигает очень высокого уровня.

Как точно говорит В.В. Биbihин, «главная помеха простоте – боязнь подставиться, показаться наивным. Толстой не боялся сравниться с народом. Оглядка раздваивает. Она же и показывает, что дела в руках собственно нет. Выход на сцену предполагает дело, и когда дела в руках нет, делом оказывается именно простота» [Биbihин, 2014, с. 53]. В этом контексте толстовское «опрошенчество» в переводе на язык современной философии может быть представлено в терминах «феноменологической редукции» в области морали.

Духовное равенство между людьми может быть доказано различными способами, в том числе и такими аргументами: «То особенное одно и то же чувство умиления, которое мы испытываем при виде только что рожденного и только что умершего человеческого существа, к какому бы сословию он ни принадлежал, показывает нам наше врожденное сознание равенства всех людей» [Толстой, 1993, с. 162]. Примечательно здесь сопоставление рождения и смерти как важнейших *антропологических маркеров* человеческого бытия, которые свидетельствуют о единой метафизической природе человека. В этом плане у Толстого показателен акцент на детство: дети выступают в качестве этического, духовного и религиозного мерила. Примечательны суждения его на этот счет: «Ребенок встречает другого ребенка, какого бы он ни был сословия, веры и народности, одинаково доброжелательной, выражающей радость улыбкой. Взрослый же человек, который должен бы быть разумнее ребенка, прежде чем сойтись с человеком, уже соображает, какого сословия, веры, народа тот человек, и, смотря по сословию, вере, народности, так или иначе обходится с ним. Недаром говорил Христос: будьте как дети» [Толстой, 1993, с. 159]. Или: «Учись у детей. Ребенок уважает царя столько же, сколько и простого человека. Делай так же, как они. Сходись со всеми людьми с любовью и лаской, и со всеми одинаково» [Толстой, 1993, с. 164].

Следующий аспект в морально-правовых воззрениях Толстого – критика насилия как легитимной формы государственного управления. Это центральный пункт его учения, вызвавший множество самых разных оценок и реакций (наиболее показательная критика у И.А. Ильина, Н.А. Бердяева, Г.В. Флоровского). Но это, бесспорно, центральный пункт всей моральной философии Толстого. Учение о непротивлении приобретает у Толстого характер универсальной системы, охватывающей все уровни существования человека как в личном, так и в социальном плане. В.Н. Назаров отмечает: «Главная религиозно-этическая сверхзадача, которую попытался решить Толстой, заключалась в том, чтобы обосновать заповедь непротивления злу не просто как правило *личного поведения*, а в качестве *общественного жизнепонимания, закона общественной жизни*» [Назаров, 2006, с. 92]. Это очень важный момент – «общественное жизнепонимание», переводящее учение Толстого в ранг фундаментальных социальных теорий. Принцип непротивления злу насилием является, с точки зрения М.Л. Гельфонд, центральной нравственно-философской доктриной Толстого. Исследователь отмечает: «Провозглашение и обоснование последнего в качестве главного и, по существу, единственно возможного условия разумного устройства человеческой жизни, бесспорно, становится кульминационным моментом напряженных духовных исканий Л.Н. Толстого и его философского творчества в целом» [Гельфонд, 2014, с. 248].

Свое отношение к насилию Толстой формулирует в «Пути жизни» так: «Одна из главных причин бедствий людей – это ложное представление о том, что одни люди могут насилием улучшать, устраивать жизнь других людей» [Толстой, 1993, с. 166]. Корень всех бед и зол Толстой видит в насилии, в суеверном признании за ним права и правды. На разные лады повторяется у него одна и та же мысль, что любовь, которая в корне противостоит насилию, представляет собой искомое благо жизни. Только непротивление злу насилием, считает мыслитель, приведет человечество к замене закона насилия законом любви. Это должно привести к максимальному улучшению жизни, достижению блага. Толстой говорит: «Жизнь наша стала бы прекрасна, если бы мы только видали то, что нарушает наше благо. А нарушает наше благо более всего суеверие о том, что насилие может дать его. Безопасность и благо общества обеспечиваются только нравственностью его членов. Нравственность же основывается на любви, исключаяющей насилие» [Толстой, 1993, с. 183]. Идея о насилии основывается на заблуждении, которое ставши привычкой, приобретает силу одного из главных моральных пороков. Толстой формулирует своеобразное правило

ненасилия: «То зло, от которого люди думают защититься насилием, несравненно меньше того, которое они делают себе, защищаясь насилием» [Толстой, 1993, с. 175]. Отсюда и отношение Толстого к наказанию, которое он считает формой мести, а не способом исправления человека. И здесь он категоричен: «Люди говорят, что можно воздавать злом за зло для того, чтобы исправлять людей. Это неправда. Люди обманывают себя. Люди платят злом за зло не для того, чтобы исправлять людей, а для того, чтобы мстить. Исправлять зло нельзя тем, чтобы делать зло» [Толстой, 1993, с. 186]. Критика Толстого распространяется не только на людей, но и общественные институты (науку), которые создают идейную основу для нравственной патологии, в которой наказание занимает одно из главных мест [Толстой, 1993, с. 187].

И антиправовая установка Толстого достигает наибольшей полноты в следующем пункте из главы о суеверии государства, которая и формулируется весьма красноречиво: «Законы не исправляют и улучшают, а ухудшают и портят людей». Здесь очевидно противопоставление закона и добра; уважение к закону делает людей поборниками несправедливости. Только нравственный критерий способен установить истинную норму взаимоотношений между людьми [Толстой 1993, с. 224]. Конечно, такие воззрения имеют сильный привкус утопизма и вообще романтического благодушия, основанного на идеале, а не на действительности.

Наиболее острой критике идеи Толстого подверглись в книге И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою». Не вдаваясь в детальный разбор этой позиции, следует отметить общую оценку позиции Толстого, которая весьма показательна. Ильин пишет, что «необходимо раз навсегда отрешиться от той постановки вопроса, которую с такой слепой настойчивостью двигали и постепенно вдвинули в философски неискушенные души – граф Л.Н. Толстой, его сподвижники и ученики. <...> Проповедовался наивно-идиллический взгляд на человеческое существо, а черные бездны истории и души обходились и замалчивались. ... Вся сила личного дара вождя и вся фанатическая ограниченность его последователей обращалась на то, чтобы духовно навязать другим собственную ошибку и распространить в душах собственное заблуждение. И естественно, что учение, узаконивающее слабость, возвеличивающее эгоцентризм, потакающее безволию, снимающее с души общественные и гражданские обязанности и, что гораздо больше, *трагическое бремя мироздания*, – должно было иметь успех среди людей, особенно неумных, безвольных, малообразованных и склонных к упрощающему, наивно-идиллистическому мирозерцанию. Так случилось это, что учение графа Л. Н. Толстого и его последователей привлекало к себе слабых и простодушных людей и, придавая себе ложную видимость согласия с духом Христова учения, отравляло русскую религиозную и политическую культуру» [Ильин, 1993, с. 305-307]. Много правды и неправды в этих сильных, но эмоциональных словах. И прежде всего здесь, с нашей точки зрения, имеет место фундаментальная недооценка морали, ее истинно религиозного и даже божественного характера. Детальный разбор «ошибок» Толстого, в конечном счете, проигрывает по силе и убедительности учению великого писателя и моралиста.

Толстой был не так уж и наивен, чтобы постулировать и пропагандировать явно благодушные идеи. Его учение основывается на твердом фундаменте – *человеческой морали*, которая находится в искаженном состоянии. Все его усилия направлены на то, чтобы исправить то, что есть в человеке, дать ему понять и почувствовать нравственный закон, его реальность и силу. В этом смысле Толстой никак не может быть назван утопистом, создающим пустые, ни на чем не основанные теории. Он скорее нравственный реалист, порой излишне категоричен и моралистичен, но не перестающий быть от этого правдивым. Главное, к чему апеллирует Толстой, это совесть, добро, то есть нравственный закон.

В конечном счете, в отличие от социальных реформаторов и утопистов, Толстой не формулирует общественную программу в точных и строгих определениях. Как философ он не знает ни конечного идеала, ни истинного общего блага, но твердо уверен в том, что в своем совместном бытии люди должны в большей мере уповать на внутренние моральные критерии, а не на внешние правовые нормы. В реальности всегда имеет место обратное; отсюда и толстовский морализм, нигилизм, анархизм и т.д. Он пишет: «Мы не знаем, не

можем знать, в чем состоит общее благо, но твердо знаем, что достижение этого общего блага возможно только при исполнении каждым не того закона, который устанавливают люди, а того вечного закона добра, который открыт каждому человеку и в мудрости людской, и в его сердце» [Толстой, 1993, с. 197].

Итак, «вечный закон добра» – не вымысел и не мечта, а реальное требование, исходящее из человеческой природы, ее изначальной неповрежденной сущности. Этот закон настолько универсален, что охватывает все сферы человеческого бытия. Это своего рода *правовой идеал* Толстого, основанный на *моральном императиве*. Только в такой фундаментальной связанности морали и права и можно воспринимать идеи писателя. В этом смысле работа Толстого по обнаружению этого начала может считаться работой по нравственному оздоровлению человека и общества, без которого все усилия в области улучшения правосознания и повышения правовой культуры ни к чему существенному не приведут.

Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного в рамках международной научно-теоретической конференции «Война и мир, насилие и ненасилие в русской литературе и философии. К 190-летию со дня рождения Л.Н. Толстого» (г. Белгород, 27-30 июня 2018 года).

Список литературы References

1. Бердяев Н.А. 1990. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. В кн.: О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., Наука: 43–272.
Berdjaev N.A. 1990. Russkaja ideja: Osnovnye problemy russkoj mysli XIX veka i nachala XX veka [Russian idea: The Main problems of Russian thought of the XIX century and the beginning of XX century]. V kn.: O Rossii i russkoj filosofskoj kul'ture. Filosofy russkogo posleoktjabr'skogo zarubezh'ja [About Russia and Russian philosophical culture. The philosophers of the Russian post-revolutionary Diaspora]. M., Nauka: 43–272 (in Russian).
2. Бердяев Н.А. 1994. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. М., Искусство: 256–461.
Berdjaev N.A. 1994. Filosofija tvorchestva, kul'tury i iskusstva [Philosophy of creativity, culture and art]. Vol. 2. M., Iskusstvo: 256–461 (in Russian).
3. Бибихин В.В. 2014. Дневники Льва Толстого. В кн.: Лев Николаевич Толстой. Под ред. А.А. Гусейнова, Т.Г. Щедриной. М., Политическая энциклопедия: 48–77.
Bibihin V.V. 2014. Dnevnik L'va Tolstogo [Dnevnik L'va Tolstogo]. V kn.: Lev Nikolaevich Tolstoj [Lev Nikolaevich Tolstoj]. Pod red. A.A. Gusejnova, T.G. Shhedrinov. M., Political encyclopedia: 48–77.
4. Вышеславцев Б.П. 1994. Этика преображенного Эроса. М., Республика: 154–325.
Vysheslavcev B.P. 1994. Jetika preobrazhennogo Jerosa [Ethics of the transformed Eros]. M.: Respublika: 154–325 (in Russian).
5. Гельфонд (Клюзова) М.Л. 2014. Сила зла и зло силы (Проблема соотношения понятий зла и насилия в нравственно-религиозном учении Л.Н. Толстого). В кн.: Лев Николаевич Толстой. Под ред. А.А. Гусейнова, Т.Г. Щедриной. М., Политическая энциклопедия: 248–277.
Gel'fond (Kljuzova) M.L. 2014. Sila zla i zlo sily (Problema sootnoshenija ponjatij zla i nasilija v npravstvenno-religioznom uchenii L.N. Tolstogo) [The power of evil and evil forces (The problem of the relation of the concepts evil and violence in the moral and religious teachings of L. N. Tolstoy)]. V kn.: Lev Nikolaevich Tolstoj [Lev Nikolaevich Tolstoj]. Pod red. A.A. Gusejnova, T.G. Shhedrinov. M., Political encyclopedia: 248–277 (in Russian).
6. Гусейнов А.А. 2009. Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней. М., Вече: 496 с.
Gusejnov A.A. 2009. Velikie proroki i mysliteli. Npravstvennye uchenija ot Moiseja do nashih dnei [Great prophets and thinkers. Moral teachings from Moses to the present day]. M., Veche: 496 p. (in Russian).
7. Евлампиев И.И. 2014. История русской философии. СПб., издательство РХГА: 667 с.
Evlampiev I.I. 2014. Istorija russkoj filosofii [History of Russian philosophy]. SPb., publishing house of Russian Christian Humanities Academy: 667 p. (in Russian).

8. Журина О.В. 1999. Религиозно-философские трактаты Л.Н. Толстого и роман «Воскресение» (проблематика и поэтика). В кн.: Яснополянский сборник 1998: Статьи, материалы, публикации. Тула, Издательский дом «Ясная Поляна»: 84–91.

Zhurina O.V. 1999. Religiozno-filosofskie traktaty L.N. Tolstogo i roman «Voskresenie» (problematika i poetika) [Religious and philosophical treatises L.N. Tolstoy and the novel "Resurrection" (problems and poetics)]. V kn.: Jasnopoljanskij sbornik 1998: Stat'i, materialy, publikacii [Yasnaya Polyana collection 1998: Articles, materials, publications]. Tula: Publishing house «Yasnaya Polyana»: 84–91 (in Russian).

9. Зеньковский В.В. 2001. История русской философии. М., Академический Проект, Раритет: 880 с.

Zen'kovskij V.V. 2001. Istorija russkoj filosofii [History of Russian philosophy]. M., Akademicheskij Proekt, Raritet: 880 p. (in Russian).

10. Ильин В.Н. 2000. Мирозерцание графа Льва Николаевича Толстого. СПб.: издательство РХГИ: 480 с.

Il'in V.N. 2000. Mirosozercanie grafa L'va Nikolaevicha Tolstogo [The world of count Leo Nikolayevich Tolstoy]. SPb.: publishing house RHGI: 480 p. (in Russian).

11. Ильин И.А. 1993. Сочинения в двух томах. Том 1. Философия права. Нравственная философия. М., Медиум: 30–480.

Il'in I.A. 1993. Sochineniya v dvuh tomah. Tom 1. Filosofiya prava. Nравstvennaya filosofiya [Works in two volumes. Vol. 1. Philosophy of law. Moral philosophy]. M., Medium: 30–480 (in Russian).

12. Назаров В.Н. 2006. История русской этики. М., Гардарики, 319 с.

Nazarov V.N. 2006. Istorija russkoj jetiki [History of Russian ethics]. M., Gardariki, 319 p. (in Russian).

13. Помоги мне, Господи! Лев Толстой на молитве. Составитель С. Романов. М., Аграф, 2016, 464 с.

Pomogi mne, Gospodi! Lev Tolstoj na molitve [God help me! Leo Tolstoy at prayer]. Sostavitel' S. Romanov. M., Agraf, 2016, 464 p. (in Russian).

14. Соина О.С. 1995. Феномен русского морализаторства: Этические очерки. Новосибирск, Наука: 200 с.

Soina O.S. 1995. Fenomen russkogo moralizatorstva: Jeticheskie ocherki [The phenomenon of Russian moralizing: Ethical essays]. Novosibirsk, Nauka: 200 p. (in Russian).

15. Толстой Л.Н. 1985. Что такое искусство? М., Современник: 592 с.

Tolstoj L.N. 1985. Chto takoe iskusstvo? [What is art?]. M., Sovremennik: 592 p. (in Russian).

16. Толстой Л.Н. 1993. Путь жизни. М., Республика: 431 с.

Tolstoj L.N. 1993. Put' zhizni [Path of life]. M., Respublika: 431 p. (in Russian).

17. Шестопалова Г.А. 1999. Идея непротivления злу насилieм в народных рассказах Льва Толстого. В кн.: Яснополянский сборник 1998: Статьи, материалы, публикации. Тула: Издательский дом «Ясная Поляна»: 66–75.

Shestopalova G.A. 1999. Ideja neprotivleniya zlu nasiliem v narodnyh rasskazah L'va Tolstogo [The idea of non-resistance to evil by violence in the folk tales of Leo Tolstoy]. V kn.: Jasnopoljanskij sbornik 1998: Stat'i, materialy, publikacii [Yasnaya Polyana collection 1998: Articles, materials, publications]. Tula, Publishing house «Yasnaya Polyana»: 66–75 (in Russian).

18. Яковенко Б.П. 2003. История русской философии. М., Республика: 510 с.

Jakovenko B.P. 2003. Istorija russkoj filosofii [History of Russian philosophy]. M., Respublika, 510 p. (in Russian).